

*История письма Фёдора Достоевского к жене декабриста
Ивана Анненкова Прасковье, хранящегося в петербургском
Литературно-мемориальном музее великого писателя*

«Я всегда буду помнить, что с самого прибытия моего в Сибирь вы и всё превосходное семейство ваше брали и во мне, и в товарищах моих по несчастью полное и искреннее участие. Я не могу вспоминать об этом без особенного, утешительного чувства и, кажется, никогда не забуду. Кто испытывал в жизни тяжёлую долю и знал её горечь, особенно в иные мгновения, тот понимает, как сладко в такое время встретить братское участие совершенно неожиданно. Вы были таковы со мною, и я помню встречу с вами, когда вы приезжали в Омск, и когда ещё я был в каторге», — писал 18 октября 1855 года Фёдор Достоевский из Семипалатинска Прасковье Анненковой (в девичестве и до принятия православия — Жаннетта Полина Гёбль).

История обретения (в 2005-м году) Литературно-мемориальным музеем Ф.М. Достоевского этого письма, которое сотрудники называют «жемчужиной» и «самой драгоценной драгоценностью», — почти детективная. Впрочем, не станем забегать вперёд...

«...Будет всегда одним из лучших воспоминаний моей жизни»

История любви Полины Гёбль и декабриста Ивана Анненкова нашим читателям, думается, хорошо известна, прежде всего, по

фильму Владимира Мотыля «Звезда пленительного счастья», где Полина — Эва Шидульская, а Иван — Игорь Костолевский. Отношения Гёбль и Анненкова являются и одной из важнейших сюжетных линий в кинофильме режиссёра Александра Ивановского «Декабристы», снятого к 100-летию восстания «дворянских революционеров». Примечательно, что Прасковью Анненкову в этом фильме играла Варвара Анненкова (в эмиграции — Барбара фон Анненкофф). Композитор Юрий Шапорин написал оперу «Декабристы», в первой редакции она называлась «Полина Гёбль».

Эта романтическая история вдохновила Александра Дюма на написание романа «Учитель фехтования» (полное название: «Записки учителя фехтования, или Восемнадцать месяцев в Санкт-Петербурге»). Он впервые был опубликован в 1840 году, а в Советском Союзе, на русском языке, только в 1925-м, опять же к столетию декабристского восстания.

Уроженка Лотарингии, дочь наполеоновского офицера, Жаннетта Полина Гёбль 23-летней девушкой приехала в Россию на заработки, устроилась она в торговую фирму «Дюманси» модисткой — мастером по изготовлению женского белья, платья и головных уборов. С поручиком лейб-гвардии Кавалергардского полка Иваном Анненковым она познакомилась на ярмарке в Пензе, куда тот был откомандирован для закупки лошадей. Влюблённые собирались обвенчаться в церкви одной из принадлежащих Анненковым деревень, да в последний момент Полина испугалась гнева будущей свекрови, не приветствовавшей, мягко говоря, выбор сына.

После декабрьского восстания Иван Александрович Анненков был приговорён к 20 годам каторги, лишению чинов, дворянства и пожизненному поселению в Сибири. Гёбль обратилась к Николаю I с просьбой разрешить ей следовать за женихом. Император не только разрешил, но и велел выдать из государственной казны 3000 рублей — «на дорогу». Полина оставила матери жениха Анне Ивановне рождённую вне брака дочь Александру и с двумя слугами отправилась в Читку.

Полина Анненкова,
1835 г. Акварель
Николая Бестужева.

С Анненковым они обвенчались — на время венчания с заключённого были сняты кандалы. Кстати, Прасковья Егоровна до конца дней своих носила браслет с прикреплённым к нему крестиком, выкованным Николаем Бестужевым из кандалов мужа.

Прасковья Анненкова рожала восемнадцать раз, но выжили только семеро. (Об одной из дочерей — Ольге — пойдёт речь ниже.) Человек она была незаурядный. Так, первой из жён декабристов в Сибири занялась огородничеством и получала невиданные в Петровском заводе и Чите урожаи капусты, свёклы, других овощей, чем значительно улучшила питание не только своего семейства, но и других заключённых, их жён и детей.

9 января 1850 года в Тобольск, где в то время на поселении жили Анненковы и некоторые другие декабристы, были доставлены петрашевцы, в их числе — молодой писатель Фёдор Достоевский.

Фёдор Михайлович с 1846 года по пятницам посещал собрания в доме Михаила Буташевича-Петрашевского, на них велись политические диспуты, исключительно теоретически решалось, выражаясь языком Александра Солженицына, «как обустроить Россию», обсуждалось, надо ли освобождать крестьян от крепостной неволи, если да, то каким образом, какой должна быть судебная система и т. д., и т. п.

Военный суд признал подсудимого Достоевского «виновным в том, что он, получив... из Москвы от дворянина Плещеева... копию с преступного письма литератора Белинского, читал это письмо в собраниях: сначала у подсудимого Дурова, потом у подсудимого Петрашевского», и приговорил его «за недонесение о распространении преступного о религии и правительстве письма литератора Белинского... лишить на основании Свода военных постановлений... чинов и всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием».

В Петербурге на Семёновском плацу на приговорённых надели саваны — балахоны с глухими капюшонами, последовала команда «Целься!». После чего прозвучал «отбой», и объявили о высочайшем помиловании. Позднее Достоевский вспоминал: «Приговор смертной казни расстрелянием, прочитанный нам всем предварительно, прочтён был вовсе не в шутку; почти все приговорённые были уверены, что он будет исполнен, и вынесли, по крайней мере, десять ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти. В эти последние минуты некоторые из нас... может быть, и раскаивались в иных тяжёлых делах своих... но то дело, за которое

нас осудили, те мысли, те понятия, которые владели нашим духом, представлялись очищающим мученичеством, за которое нам многое простится...»

Фёдору Достоевскому смертную казнь заменили четырёхлетней каторгой с последующей отдачей его в солдаты. К концу 1840-х гг. всей читающей России хорошо были известны и «Бедные люди», и «Двойник», и «Белые ночи», и даже «Неточка Незванова» (роман по причине ареста автора незавершённый и, разумеется, опубликованный не полностью). Всероссийскую огласку получило и «дело Петрашевского» — в «Русском инвалиде» был опубликован полный список осуждённых. Таким образом, и в далёком от обеих столиц Тобольске знали и Достоевского, и петрашевцев. Каких «политических» доставили в пересыльную тюрьму, для ссыльнопоселенцев не было большим секретом.

Во время недолгого пребывания в «столице Сибири» с 10 по 20 января и произошла встреча жён декабристов — Жозефины Муравьёвой, Натальи Фонвизиной и Прасковьи Анненковой с Михаилом Петрашевским, Фёдором Достоевским и некоторыми другими осуждёнными. От Петрашевского Наталья Дмитриевна, между прочим, узнала, что среди этапиремых мог быть и её сын. Дмитрия Фонвизина от ареста спасла чистая случайность: за несколько месяцев до ареста петрашевцев он убыл из Петербурга по делам.

Каждому участнику встречи преподнесли в дар по «Евангелию»; в переплёт книг были вклеены денежные купюры. Доставшийся Достоевскому экземпляр Фёдор Михайлович хранил всю жизнь как бесценную реликвию. Судя по «Дневнику писателя», к декабристам Достоевский относился не с пиететом, а с неким скепсисом, но тема декабризма присутствовала среди его, к сожалению, неосуществлённых, замыслов, сохранились даже наброски.

Поступком женщин, добровольно последовавших за мужьями в Сибирь, Фёдор Михайлович восхищался, а после встречи в Тобольске к некоторым из них питал ещё и благодарность. В январе 1850-го особенно тёплые отношения сложились у него с Фонвизиной и Анненковой. С Фонвизиной он впоследствии состоял в переписке. К сожалению, сохранилось всего два письма: одно — Фёдора Михайловича и одно — Натальи Дмитриевны. («Если б кто доказал мне, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели со истиной», — это из письма, написанного им Фонвизиной вскоре после выхода из острога.)

В доме дочери Анненковых Ольги в Омске Достоевский с товарищем по вольнодумству и несчастью Сергеем Дуровым жили после отбытия срока каторжных работ. Задержались, якобы, по болезни... С мужем Ольги Достоевский был знаком ещё по Петербургу — Константин Иванов тоже учился в Главном (Михайловском) инженерном училище, правда, на другом курсе.

В письме к Анненковой Фёдор Михайлович пишет:

«Милостивая государыня Прасковья Егоровна! (...) Полтора года назад, когда я и Дуров вышли из каторги, мы провели почти целый месяц в их доме. Вы поймёте, какое впечатление должно было оставить такое знакомство на человека, который уже четыре года, по выражению моих прежних товарищей каторжных, был как ломоть отрезанный, как в землю закопанный. Ольга Ивановна протянула мне руку, как родная сестра, и впечатление этой прекрасной, чистой души, возвышенной и благородной, останется самым светлым и ясным на всю мою жизнь. (...) Мне кажется, что такие прекрасные души (как её) должны быть счастливы; несчастны только злые. Мне кажется, что счастье — в светлом взгляде на жизнь и в безупречности сердца... Так ли? Я уверен, что вы это глубоко понимаете, и потому так вам и пишу».

Письмо Анненковой было отправлено Достоевским из Семипалатинска в Тобольск с оказией — с сослуживцем, прапорщиком 7-го линейного Сибирского батальона Алексеем Бахиревым («Я так давно желал писать к вам и так давно жду удобного случая, что не могу пропустить теперешнего...»)

В письме к брату Михаилу, рассказывая о встрече с Анненковой и её дочерью, Достоевский выражает уверенность, что знакомство с Ольгой Ивановой «...будет всегда одним из лучших воспоминаний моей жизни».

Фёдор Достоевский после освобождения из острога, служил в Семипалатинске, сначала — рядовым, потом — унтер-офицером. Из Семипалатинска в Тобольск он и писал Прасковье Анненковой.

«Значение и важность автографа трудно переоценить»

Моё прикосновение к этой удивительной истории произошло совершенно случайно. Художественный руководитель Санкт-Петербургского «Классического театра» Людмила Николаевна Мартынова пригласила меня в поездку вместе с театром — в Старую Руссу на Международный театральный фестиваль Ф.М. Достоевского. Дорога дальняя. В автобусе краем уха я «зацепил» историю письма Фёдора Достоевского к Прасковье Анненковой — её рассказывала моя давняя и хорошая знакомая Наталья Шварц, в то время старший научный сотрудник Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского. На обратном пути я попросил Наталью Владимировну повторить рассказ на диктофон. Она отказалась:

— Я могу что-то напутать, быть не точна. Обратись, пожалуйста, к Борису Тихомирову.

Вернувшись в Петербург, я позвонил Борису Николаевичу. Мы встретились.

Б.Н. Тихомиров

Борис Тихомиров, заместитель директора по научной работе Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского:

— На тот момент, когда наш музей получил письмо Фёдора Михайловича Достоевского к Прасковье Егоровне Анненковой в свою коллекцию, это был единственный автограф, который находился в частной коллекции, по крайней мере, из эпистолярного наследия, опубликованного в академическом собрании, где около 900 писем Фёдора Михайловича. Все остальные письма Достоевского находились в государственных учреждениях — в Пушкинском доме, в ЦГАЛИ, в Российской государственной библиотеке (бывшей — имени Ленина), в Российской национальной библиотеке (бывшей — имени Салтыкова-Щедрина).

В архиве, собранном женой, а затем вдовой Достоевского Анной Григорьевной, было много писем не только к Фёдору Михайловичу, но и его — какие-то существовали в авторских копиях, какие-то она выкупила у корреспондентов. О существовании же письма к Анненковой Анна Григорьевна, скорее всего, и не по-

дозревала до его публикации в «Русском вестнике» в 1888 году с предисловием дочери Анненковой Ольги. Судьба оригинала до того дня, когда письмо при совершенно фантастических обстоятельствах оказалось в собрании ленинградского коллекционера Михаила Ромма (прошу не путать с кинорежиссёром Михаилом Ильичом Роммом), едва ли когда-нибудь будет прояснена.

В конце 1960-х Михаил Ромм в магазине «Букинист», что на Литейном, 59, купил первый том четырёхтомного собрания писем Фёдора Достоевского — оно выходило под редакцией Аркадия Семёновича Долинина с 1928 по 1959 год. Придя домой, Михаил Давидович обнаружил между страницами рукописный текст. Письмо Фёдора Достоевского к Прасковье Анненковой! Примечательно ещё и то, что вложено оно было между страницами, где опубликовано. Хорошо зная почерк Достоевского, Ромм с большой долей вероятности предположил — оригинал! Михаил Давидович тут же побежал в «Букинист». Пересмотрел ещё с десятков книг, поступивших одновременно и, похоже, из одного источника. Больше ни-че-го!

Установить, кем был сдан в магазин первый том писем Достоевского, не удалось. Вероятнее всего, родственники кого-то из умерших библиофилов или коллекционеров, распродавая библиотеку, и не подозревали о столь ценном вложении.

Наш музей — музей в Кузнечном переулке — только создавался. Создавался практически на пустом месте. Литография Петра Фёдоровича Бореля «Портрет Фёдора Достоевского» — вот и всё, что было из подлинников. Щедрый жест сделал Московский музей-квартира Достоевского, он — старейший, открылся в 1928 году. Именно этот музей унаследовал коллекцию Анны Григорьевны, которая после смерти вдовы писателя в июле 1918 года была национализирована. Москвичи передали нам шляпу Фёдора Михайловича, перо, которым написаны «Братья Карамазовы», даже обручальное кольцо Анны Григорьевны, оно хранится в фонде драгметаллов, в сейфе, «за семью печатями». Когда в ноябре 2006 года отмечалось пятисотлетие рода Достоевских, кольцо экспонировалось.

Михаил Ромм тесно общался с сотрудниками нашего музея, случалось, консультировал. Он сразу рассказал о своей удивительной находке, но расставаться с нею не спешил. Ромм умер в 2004-м. За то, что письмо попало к нам, низайший поклон жене Михаила Давидовича Фани Александровне Темчиной и их дочери. Дочь в то время уже жила в Германии, и у наследников Ромма

была возможность переправить письмо на Запад и выставить на торги на каком-нибудь из престижных аукционов. Автографы Достоевского на аукционах крайне редки, и, конечно, это стало бы сенсацией. Не так давно было выставлено письмо Достоевского Николаю Петровичу Вагнеру, зоологу, прозаику, писавшему под псевдонимом Кот Мурлыка. Наследники Вагнера вывезли архив в Прагу, и одно письмо из «пражской коллекции» какими-то путями оказалось в других руках.

Ещё пример. 4 декабря 1880 года, меньше чем за два месяца до смерти, Достоевский выступил на благотворительном вечере в пользу студентов Петербургского университета. А 16 декабря студенты юридического факультета Яков Сахар и Евстафий Фёдоров-Чмыхов (тогда ещё просто Фёдоров; Чмыхов — литературный псевдоним, позже ставший второй составляющей фамилии) посетили Фёдора Михайловича на дому и получили в подарок по фотографии писателя с дарственными надписями: такому-то на память от Ф.М. Достоевского. Дата. Подпись. Только и всего.

Потомки Фёдорова-Чмыхова фотографию подарили музею, когда он открывался. Сахар же умер в 1911 году, потомки эмигрировали. Илья Самойлович Зильберштейн (литературовед, искусствовед, знаменитый коллекционер. — В. Ж.) долго шёл по следам этого автографа. Когда в 1960-е годы он в Париже добрался до дочери Сахара, выяснилось: незадолго перед тем она кому-то уступила фотографию. Фотография эта всплыла на одном из аукционов — сейчас она в частной коллекции в Германии.

Примерно в то же время на аукционе Sotheby's «неизвестному лицу» было продано письмо Достоевского Христине Алчевской. При сообщении об этом подчёркивалась уникальность самого факта появления рукописи Достоевского на международном аукционе. Больше что-то я не припомню, чтобы автографы Достоевского всплывали на Западе.

Наследники Ромма прекрасно понимали, что стоимость автографа на международном антикварном рынке значительно выше той, что может им предложить музей. Но, к нашему общему счастью, вдова и дочь Михаила Давидовича решили: письмо обязательно должно остаться в России и обязательно — в нашем музее.

Сомнений в подлинности письма не было ни у кого, но до обращения в Закупочную комиссию мы всё же запросили экспертизу в Пушкинском доме. Мы выставили автограф на закупку Комитетом по культуре Петербурга. Нам даже в Министерство культуры не пришлось обращаться — Комитет изыскал необходимую сумму, снижать которую было даже неловко...

В полном соответствии с оригиналом письмо Достоевского Анненковой впервые было опубликовано в альманахе «Достоевский и мировая культура» (№24, СПб, «Серебряный век», 2008 г., публикация Натальи Ашимбаевой и Бориса Тихомирова. — В. Ж.).

При сличении предыдущих публикаций с оригиналом выяснилось, что в них есть, пусть и небольшие, неточности. Ни в одной из публикаций не значилась карандашная пометка: «Ф.Н. Бергъ. 10 дек. 90 г.». Она, скорее всего, указывает на то, что в указанный день письмо оказалось в руках поэта Фёдора Берга, который после смерти публициста и издателя Михаила Каткова арендовал журнал «Русский вестник» у его наследников. Судя по всему, Фёдор Николаевич и получил письмо от Ольги Ивановой.

Письмо Достоевского к Анненковой, безусловно, является исключительным по значимости документом. Оно исполнено глубокого чувства благодарности по отношению к Прасковье Егоровне Анненковой, её дочери Ольге Ивановне Ивановой и зятю Константину Ивановичу Иванову. Не исключено, что написано оно было в минуту, когда в семипалатинской глуши унтер-офицер Фёдор Достоевский (после смерти императора Николая I, в «ознаменование начала царствования Александра II», ряду осуждённых были дарованы льготы и милости) испытывал чувство одиночества, тоски по дружескому общению. В такой момент с особенной остротой припомнились ему столь значимая для него встреча в Тобольске в январе 1850-го года, по пути на каторгу, и более поздняя в апреле 1853-го в Омске, куда Прасковья Егоровна приезжала крестить внучку Наталью.

Письмо Фёдора Достоевского к Прасковье Анненковой хранится в фондах Литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского. Объясняется это тем, что экспозиция посвящена последним годам жизни писателя, тому времени, когда он жил в доме в Кузнечном переулке. Да и выложить раритет на свет было бы безрассудством. Замечательный петербургский художник Юрий Васильевич Клопов, мастер музейных муляжей, изготовил точную копию, на бумаге XIX века, которая будет экспонироваться на тематических выставках.

Иллюстрации предоставлены петербургским Литературно-мемориальным музеем Ф.М. Достоевского.

Санкт-Петербург